

С.А. Теплоухов
Опыт классификации
древних металлических культур
Минусинского края. (В кратком изложении)
// МЭ. Т. IV, вып. 2. Л.: 1929. С. 41-62.

*(Прим. к заголовку:
На основании раскопок могил, главным образом, в районе с. Батени.)*

Проблемы, связанные с изучением древних культур северной и центральной Азии, с каждым годом всё более и более привлекают внимание палеоэтнологов. Европа является лишь полуостровом великого Евразийского материка. В благоприятных природных условиях Европы детализировались те культурно-исторические процессы, которые, возникая в Азии в зависимости, повидимому, от изменений физико-географических условий, охватывали громадные пространства всего обширного материка. Вот почему, такие основные вопросы, как происхождение человека, переселение народов, возникновение и распространение тех или иных культур и культурных влияний, их смена — не могут быть в настоящее время удовлетворительно разрешены без изучения палеоэтнологии Азии.

За исключением Малой Азии, Индии и Ирана, большая часть Азии в палеоэтнологическом отношении изучена плохо. В восточной и центральной Азии исследования только ещё начинаются. В северной Азии сделано в этом отношении больше.

С 1920 г. в Сибири мы наблюдаем большое оживление в палеоэтнологических изысканиях. Повышенный интерес к генезису основных явлений побудил многих палеоэтнологов приступить к систематическому обследованию обширных районов Сибири. Результаты предпринятых работ уже сейчас позволяют наметить для некоторых районов северной Азии более детальные схемы развития и смены доисторических культур, чем это было сделано в прежних классических работах (Радлова, Талько-Грынцевича и др.).

Наибольшее число исследований всегда выпадало на долю Минусинского края, и не случайно. Минусинская степная котловина, окружённая горами, отличается разнообразием физико-географических условий. Разнообразие природного ландшафта создало ту благоприятную экономическую основу, на которой здесь с глубокой древности интенсивно развивалась жизнь человека. В бассейне Енисея проходит географическая граница между западной и восточной Сибирью, а Саяны с юга ограничивают Минусинскую котловину от центральной Азии. С естественно-историческими районами совпадают и культурно-бытовые зоны. Как бы ни были велики колебания этнических границ в различные моменты жизни народов северной и центральной Азии, они всегда в конце (41/42)

концов останавливались на географических границах. В Минусинский край проникали культурные влияния южных цивилизаций, в нём нашли также своё отражение восточные и западные культуры Сибири. Хорошие для жизни условия дали возможность прочно зафиксироваться многим культурным влияниям, проследить которые мы можем благодаря громадному обилию отдельных находок в виде каменных, бронзовых и железных изделий и монументальных сооружений. Различные по своему устройству надмогильные памятники, скульптурные изваяния, рисунки и древние письмена на скалах, ирригационные сооружения — являются как бы органической частью ландшафта страны. Они поражают загадочностью или, иногда, своей величественностью всякого, кто видит их: будь то учёный исследователь, путешественник или простой обыватель.

Изучение минусинских древностей, помимо местного интереса, даёт ключ к пониманию древних культур всей северной Азии. В Минусинском крае имеются пункты, которые должно быть с древних времён являлись весьма выгодными для заселения. К таким пунктам принадлежит с. Батени (на левом берегу Енисея, у пристани того же названия). В районе этого села и производились нами в течение восьми лет раскопки могил и курганов. Устройство могильных сооружений и предметы погребального инвентаря,

предназначенные обслуживать погребённых в загробном мире, легли в основу предлагаемой классификации.

Можно смело сказать, что, начиная с палеолитической эпохи, в районе Батеней всегда жил человек. В окрестностях села, в деллювиальных и аллювиальных отложениях, обнаружены чрезвычайно интересные в стратиграфическом отношении „культурные слои“, содержащие каменные и костяные орудия вместе с остатками мамонта и других, давно исчезнувших здесь животных: архара, северного оленя, песца. Указанные находки принадлежат к широко распространённой по среднему Енисею палеолитической культуре, до сего времени не обнаруженной за Саянами.

Наиболее древняя культура, в которой появляется металл, названа Афанасьевской по имени горы близ Батеней, где впервые обнаружен могильник этой культуры. Покойников погребали в грунтовых ямах (т. I, р. I), глубиной 1,5 м., в скорченном положении или с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ; в редких случаях трупы сжигали или покрывали погребение деревянным настилом. Яму заваливали камнями. Надмогильные каменные насыпи сохранились иногда только в виде уплощённого круга камней, едва выступающих над поверхностью степи. Нередко встречаются впускные погребения. Остатки погребальной пищи, положенной в могилу, кости рыб, изюбря, дикого быка и кости домашних животных — лошади, быка и овцы — свидетельствуют о существовании в афанасьевскую эпоху охото-скотоводческой формы хозяйства. Бусы из раковин *Corbicula fluminalis* (т. I, р. 10), бывшие на шее, руках и ногах погребённых, указывают на культурные связи с районом Аральского моря, где живет этот моллюск ¹. (Прим.: В устье р. Аму-Дарьи.) Основные черты физического типа погребённых: длинноголовость, узкое лицо и горбатый нос — отличают их от современного населения, как Минусинского края, так и прилегающих к нему районов Азии. Среди погребального инвентаря руководящими элементами являются: глиняные сосуды, преимущественно яйцевидной формы (сферической формы сосудов и плоскодонных — немного), покрытые сплошь грубым орнаментом, выполненным зубчатым чеканом, резьбой и лепкой (т. I, р. 1, 2, 3, 4); каменные орудия (нак. стрел ланцетовидной формы — т. I, р. 9, песты — т. I, р. 5, тёрки — т. I, р. 8) и костяные предметы (иглы в игольнике — т. I, р. 6, 7). Появляются медные изделия (повидимому, обкладка края деревянного предмета — т. I, р. 11).

Принимая во внимание вышеприведённые соображения о возможных культурных связях с районом Аральского моря, можно предполагать, что металлическая медно-бронзовая культура проникла сюда из Иранского мира, тем более, что следы широко распространённой на Енисее афанасьевской культуры обнаружены на Алтае и под Семипалатинском; к востоку же от бассейна Енисея и к югу от Саянских гор она до сих пор не найдена.

В первой половине второго тысячелетия до н.э. в степных районах западной Сибири и Казакстана появилась Андроновская культура, названная по имени д. Андроновой в Ачинском округе, в районе которой были раскопаны могилы с характерной керамикой. В Минусинском крае, где она была впервые уяснена (в районе с. Батени), находится восточный предел её распространения. Андроновские могилы (т. I, р. II) покрыты насыпями из земли и часто окружены оградкой в виде кольца камней при её основании. Под насыпью, в неглубокой грунтовой яме (глубина редко достигает до 3 м.) обыкновенно устраивалась погребальная камера из каменных плит или из дерева. На грунтовом дне в погребальных камерах или просто в ямах, ориентированных большей частью с ЮЗ на СВ, лежат скелеты (чаще по одному) захороненных покойников, в большинстве случаев на боку, в скорченном положении. В редких случаях надмогильные насыпи покрывают многоярусные погребения в каменных камерах, сооруженных в разное время. Попадают могилы с жжёными костями человека (вне-могильное трупосожжение). Находимые постоянно в могилах: кости овцы, лошади и быка — остатки погребальной пищи, указывают на развитое скотоводство, а могила с погребением только скелета собаки — на важную бытовую роль этого животного. Остатки головного убора, сделанного из шерсти, знакомят нас с примитивным видом плетения шерстяных изделий. Из погребального

инвентаря, прежде всего, следует отметить плоскодонные, глиняные сосуды двух типов: одни грубо сделанные, с прямыми стенками, иногда сплошь покрытые глубоким ямочным, зубчатым и резным орнаментом (т. I, р. 13), другие — с изогнутым профилем стенок, украшенные хорошо выработанным геометрическим орнаментом (т. I, р. 18). Сосуды последнего типа являются руководящим элементом для андроновской культуры. В некоторых могилах были найдены блюда из глины, иногда орнаментированные и с ручками. Каменные орудия не вышли ещё из употребления (скребки — т. I, р. 29, плоские треугольные наконечники стрел — т. I, р. 30, круглые в сечении каменные пестики — т. I, р. 31); появляется большое количество медных изделий (кинжалы — т. I, р. 20 с плоской, расширяющейся в средней части, рукояткой; обыкновенно безушковые кельты с орнаментальным пояском у втулки и геометрическим орнаментом в виде треугольников и ромбов — т. I, р. 21; вильчатые наконечники копий; медные полые браслеты — т. I, р. 25; медные полусферические бляшки-нашивки — т. I, р. 26; медные пенсневидные подвески — т. I, р. 22, иногда, так же как и концы незамкнутых браслетов, с коническими спиральными завитками — т. I, р. 28); буски различных типов (из меди — т. I, р. 12 и 14, сердолика — т. I, р. 19 и пасты — т. I, р. 15, 16, 17); наконец, медные, покрытые тонкими листиками золота: височные кольца с раструбом (т. I, р. 27); спиральные завитки (т. I, р. 24) и лапчатые подвески (т. I, р. 23).

Андроновская культура синхронична хвалынской, срубной и другим, сходным с нею культурам европейской части нашего Союза. Все они территориально связаны с областью сплошных степей от Карпат до Монголии, и развились, должно быть, под влиянием южных культурных течений.

Следов андроновской культуры, также как и афанасьевской, к востоку от бассейна Енисея не найдено. Есть некоторые основания предполагать, что андроновская культура, явившись в Минусинский край на смену афанасьевской, существовала здесь недолго. Физический тип погребённых, судя по черепам, обнаруживает некоторые отличия от типа населения, как предшествующей афанасьевской, так и последующих, более поздних эпох: карасукской и минусинской курганной. Между двумя вышеописанными культурами наблюдается преемственность, что сказывается в некоторых особенностях погребального обряда, в керамике и других бытовых предметах.

В то время, как в лесостепной части западной Сибири продолжала, повидимому, развиваться андроновская культура, в Минусинском крае, около первого тысячелетия до н.э., под влиянием культуры, зародившейся должно быть в пределах современного Китая, появляется Карасукская культура, получившая свое название по р. Кара-сук, левому притоку Енисея у с. Батени. Медные предметы, аналогичные карасукским (ножи, кинжалы, лапчатые подвески, украшения) неоднократно были находимы в Танну-Тувинской республике, в бассейне Селенги и в Китае. Судя по известной нам в настоящее время керамике, к западу от Енисея описываемая культура не выходила в бассейне Оби за пределы меридиана Томска. (*Прим.: Лапчатые подвески найдены под Омском.*) Ограниченность числа предметов, обнаруженных в европейской части нашего Союза и далее на западе — в Венгрии (лапчатые подвески), сходных с карасукскими, не позволяют ещё относить их к восточному культурному кругу. Карасукские могильники, встречающиеся довольно часто в Минусинском крае, состоят, иногда, из большого количества могил. Могилы едва прикрыты насыпью и окружены в большинстве случаев кольцевидными или четырёхугольными оградками из мелких плиток, поставленных ребром или положенных плашмя. Четырёхугольные оградки всегда ориентированы углами по странам света. Часто они примыкают друг к другу с разных сторон и образуют сеть клеток. Ограды вокруг могилы настолько невысоки, что едва заметны на гладкой поверхности степи (т. I, р. III). В центре оградок, под дерновым слоем, располагаются могильные ямы, прикрытые сверху и облицованные, большей частью по стенкам, плитами. Длинной осью, подобного рода камеры, ориентированы обыкновенно с СВ на ЮЗ. В камерах на грунтовом дне покойников погребали на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Иногда хоронили только кости, оставшиеся от покойников, похороненных первоначально на поверхности. Дваактные погребения, распространенные ещё недавно у

некоторых народностей Азии и засвидетельствованные китайскими и персидскими летописями, для древних культур центральной Азии, были обыкновенны как в карасукскую эпоху, так и позднее. Сожжение покойников встречается редко. Из погребального инвентаря руководящим элементом являются: глиняные сосуды прекрасной техники, со сферическим дном, высокой шейкой, покрытые иногда ангобой, украшенные или скудным желобчатым орнаментом, или резным, и очень редко с инкрустацией (т. I, р. 32, 33); затем, медные коленчатые и кривые ножи (т. I, р. 52, 53, 55); лапчатые подвески (т. I, р. 37); спирально завитые из толстой медной проволоки височные кольца (т. I, р. 44) и кольца на пальцы (т. I, р. 46); перстни с сегментными щитками (т. I, р. 45); массивные и выпуклые накладки (т. I, р. 48, 49). Встречаются в могилах: медные зеркала (т. I, р. 51); шилья (т. I, р. 56); круглые медные бляшки с петлёй; подвески из зубов животных и подковообразные из меди; накладки из белой пасты, подражающие раковинам *Syprea moneta*; накладки, повидимому, на ремни в виде скобочек, сделанных из медных пластинок (т. I, р. 47); наконец, бусы: полые двуконические (т. I, р. 39) и массивные круглые из меди; цилиндрические, свёрнутые из медных пластинок (т. I, р. 40); уплощённо-круглые из сердолика (т. I, р. 42); кружковые из перламутра; цилиндрические из пасты (т. I, р. 43).

На основании типологического изучения и сходства элементов орнамента, к карасукской культуре следует отнести большое количество отдельно найденных медных ножей (из которых некоторые украшены головками зверей — т. I, р. 54) и представленные на рисунках типы кельтов (т. I, р. 38), кинжалов (т. I, р. 34), долот (т. I, р. 35, 36) и браслетов (т. I, р. 50). От карасукской эпохи сохранились в степях своеобразные каменные памятники, достигающее 3 и более м. высоты (т. I, р. 57), сделанные из плит песчаника или гранита, с высеченным лицом человека, часто сильно стилизованным, и увенчанные, иногда, головой барана. Овцеводство являлось, здесь, в это время, повидимому, основой экономического благосостояния населения. Как правило, в каждой могиле находятся кости овцы — остатки погребальной пищи, положенной в могилу с покойником. Специально устроенная могила для захоронения собаки указывает нам на то, что собаки пользовались тогда, так же как и в андроновскую эпоху, особым вниманием. Чрезвычайно важной проблемой, требующей ещё основательной проработки, является соотношение карасукской культуры и фатьяновской.

На основе карасукской культуры, в начале первого тысячелетия до н.э. в Минусинской котловине появляется необычайно мощная, во многом оригинальная, Минусинская Курганная (*Прим.: Дано название по Минусинской котловине, где, главным образом, и распространена была описываемая культура.*) культура поздней бронзы, развивавшаяся в различные моменты своей тысячелетней истории, параллельно, или в некоторой связи с культурами открытых степей Евразии. Большую часть надмогильных сооружений, так же как и громадное количество случайно находимых на поверхности степи медно-бронзовых предметов надо отнести к этой культуре.

Многочисленные курганы, обыкновенно группирующиеся в могильники, занимают нередко сплошные поля, тянущиеся на несколько километров, что свидетельствует с большой населенности края в рассматриваемую эпоху.

Курганы сделаны из земли, различны по высоте; иногда имеют вид плоской насыпи, иногда же достигают 10 метров высоты. Обыкновенно, они окружены при основании прямоугольной сплошной оградой из толстых плит, поставленных на ребро. По углам ограды, а также, в большинстве случаев по линии её стенок, в строгой симметрии, стоят высокие камни (около больших курганов до 4-5 метров высоты и до 35 тонн весом). (*Прим.: Плиты красного девонского песчаника в тех районах, где выходы его имеются, были излюбленным материалом для могильных сооружений.*)

Ограды ориентированы короткой осью с ЮЗ на СВ, в том же направлении узкими рёбрами строго ориентированы и высокие оградные камни. Нередко, к ЮЗ от больших курганов, на расстоянии нескольких десятков метров, находятся одиночные камни. Курганы часто настолько уже расплылись, что покрывают собой ограды и тогда только высокие камни её

торчат при основании курганов. В тех местностях, где нет вблизи плитняка, сплошные ограды отсутствуют, но если есть какой-либо каменный материал, то при основании насыпи имеются камни, симметрично располагающиеся по правильному четырёхугольнику. Там, где нет совсем выходов горных пород, отсутствуют вокруг курганов и высокие камни. Чем реже расположены курганы в могильном поле, чем они выше и больше и чем больше высоких камней в сев.-западных и юго-восточных стенках ограды — тем они более позднего времени. Под одной насыпью, в общей ограде, находится, иногда, несколько могил. Могилы длинной осью ориентированы с ЮЗ на СВ, т.е. сохраняют ту же самую ориентировку, как и могилы всех предшествующих культур. В ранних курганах мы иногда встречаем индивидуальные могилы, но чаще в одной могиле находятся остатки скелетов нескольких погребённых: взрослых и детей. Чем больше курган, тем большее количество погребённых находится в его могилах.

Между карасукскими надмогильными сооружениями и минусинскими курганами, окружёнными оградой, наблюдаются переходные формы. Карасукские ограды, построенные из мелких плиток, с примыкающими к ним с разных сторон боковыми оградками, большей частью, детских могил, никогда не имеют высоких оградных плит. Нами раскапывались могилы с плоской насыпью, с оградой, примыкающими друг к другу, но на углах некоторых из них, чаще центральных, стояли уже высокие камни. Причём подобные могилы примыкают друг к другу не в беспорядке, а располагаются в ряд с ЮВ на СЗ. Судя по погребальному инвентарю, они должны быть отнесены к самому началу минусинской курганной культуры. Встречаются, также, невысокие длинные курганы, ориентированные длинной осью с ЮВ на СЗ. В ограде таких курганов имеются перегородки из плит, отделяющие могилы друг от друга. На углах оград и при стыке длинных стенок с перегородками поставлены высокие камни. Более поздние могилы, покрытые общей курганной насыпью, не имеют индивидуальных оградок, а заключены в общую ограду с высокими отдельными камнями, отмечающими только промежутки между могилами.

Вышеописанные карасукские комплексные могильные сооружения были, повидимому, семейными усыпальницами. Весьма возможно, что ранние минусинские курганы покрывают семейные могилы, а поздние — родовые усыпальницы. Громадные курганы заключают в могилах по несколько сот погребённых. В погребальном инвентаре захороненных нет отличий, у всех комплект инвентаря одинаков. Все погребённые являются равноправными членами общества. Надо полагать, что сооружение подобного рода грандиозных курганов, требовавшее большого количества рук, производилось коллективно, целым обществом. Идея коллективизма, в конце эпохи, имела, должно быть, прочную основу.

Находимые в могилах остатки загробной пищи в виде костей, главным образом, овцы, быка и лошади указывают нам на развитое скотоводство, а целый ряд предметов погребального инвентаря — на занятие охотой и рыболовством, игравшее в хозяйстве рассматриваемой культуры несомненно существенную роль.

Физический тип населения, в основных своих признаках, остаётся сходным с населением края в афанасьевскую и карасукскую эпохи. Та же длинноголовость, узкое лицо, узкий горбчатый нос и выдающийся затылок, — черты, отличающие древних минусинцев от современного населения центральной Азии. Весьма вероятно, что они и есть то голубоглазое и светловолосое население (динлины, бома), которое, судя по китайским летописям, жило на Енисее. Впоследствии оно было поглощено волнами короткоголовых, брюнетических народов Азии.

Расположение курганов в могильных полях, различия в устройстве надмогильных сооружений, а также в характере погребений, наконец, отличия в погребальном инвентаре — дают нам основание наметить четыре последовательных этапа минусинской курганной культуры. Само собой разумеется, что часто встречаются курганы переходных форм.

Первый этап. Невысокие надмогильные насыпи окружены квадратной, а если под насыпью много могил, то длинной прямоугольной оградой, ориентированной длинной осью с ЮВ на СЗ (т. I, р. IV,1 - могильник у Подгорного озера близ Батеней). На углах стоят высокие камни. Такие же камни, поставленные иногда симметрично в северо-восточных и юго-западных стенках, отмечают промежутки между могилами. В грунтовых могильных ямах находятся погребальные камеры. Они имеют прямоугольную форму; устроены из дерева или вертикально поставленных плит; дном является грунт. Стенки деревянных камер представляют собой сруб из брёвен, часто стёсанных изнутри. Камеры покрывались настилом из брёвен или плитами и сверху засыпались ещё плитняком, галькой и, наконец, землёй, бравшейся вблизи кургана. В камере погребали одного или нескольких покойников, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. При наличии вторичного погребения находились разрозненные кости.

В качестве погребального инвентаря, в могилах находим глиняные сосуды (содержавшие, должно быть, жидкую пищу), оружие и украшения. Глиняные сосуды, главным образом, с плоским дном, с блестящей чёрной поверхностью, — различны по форме: чаще всего банкообразные, с слегка расширяющимися кверху стенками с утолщённым и скошенным наружу венчиком, но встречаются сосуды и в виде чашек, корчаг, реже — кубковидные или иной формы. У верхнего края они украшены желобками, выдавленными изнутри бугорками или скудными резными штрихами. Характерным орнаментом является желобчатый (т. I, р. 60). При мужских костяках находятся медные ножи (т. I, р. 63), кинжалы (т. I, р. 68), разнообразной формы наконечники стрел из меди (т. I, р. 58 и 59) и кости, медные секиры (т. I, р. 70) с деревянными рукоятками (около 40 см. длиной), оканчивающиеся медной литой обоймой. При женских скелетах постоянно встречаются кожаные мешочки, сшитые сухожильными нитками и нередко расшитые узорами. В мешочках находятся предметы из меди: ножи, шилья (т. I, р. 67), иглы (т. I, р. 65), пучки сухожильных ниток и очины птичьих перьев. Медные тонкие, полусферические бляшки с выдавленными иногда по краю изнутри бугорками (т. I, р. 66) служили украшением головного убора на лобной его части. Попадают бусы: медные, двуконические, подобные карасукским, стеклянные, каменные и пастовые. Большие круглые бляхи из меди с петлёй с обратной стороны (т. I, р. 69), служившие, должно быть, зеркалами, — были неизменной принадлежностью, как мужского, так и женского туалета; они находятся иногда в меховых футлярах. Нередко встречаются гребни из кости (т. I, р. 71) и другие предметы. Как исключение, найдены: медное серповидное орудие (т. I, р. 61), секира с украшением (т. I, р. 72) и кельт (т. I, р. 62). Все орудия из бронзы массивны, носят простой рабочий характер и, в большинстве случаев, не имеют украшений.

Второй этап. Курганы второго этапа располагаются в могильных полях вместе с курганами первого этапа или образуют самостоятельные могильники. Ориентировка курганов и могил та же самая. В отличие от курганов первого этапа, они крупнее, располагаются реже и, по середине коротких, северо-западных и юго-восточных сторон ограды, имеют по одному высокому камню. Погребальные камеры, сделанные обыкновенно из дерева и покрытые иногда двойным рядом брёвен и берёстой, весьма обширны и заключают десятки погребённых, причём в одной могиле встречаются как первичные погребения, так и вторичные (т. I, р. IV, 2 — могильник у Сарагашинского озера близ Батеней).

Глиняные сосуды большей частью не орнаментированы со скошенным внутрь венчиком (т. I, р. 74). Среди погребального инвентаря есть много предметов общих с могилами первого этапа: полусферические медные бляшки; двуконические, стеклянные (т. I, р. 78), каменные (т. I, р. 77) и пастовые бусы; пронизки-трубочки из медных пластинок; наконечники стрел из меди и кости (т. I, р. 73 и 76); рыболовные крючки (т. I, р. 75) и пастовые имитации раковин *Syprea moneta*, встречавшиеся уже в карасукскую эпоху. Медные зеркала имеют меньшие размеры. Многие предметы погребального инвентаря становятся изящнее (шилья) или, даже, теряют практическое значение, уменьшаясь в своем размере (секиры). Пышно развивается характерный для второго этапа звериный стиль. Бронзовые и медные предметы украшаются головками и фигурками козлов, оленей и других зверей: секиры (т. I, р. 83), полые внутри напершия (т. I, р. 82), ножи (т. I, р. 84-88)

и кинжалы (т. I, р. 89). (Прим.: Некоторые из них являются отдельными находками.) Преобладает скульптурное литьё, но появляются уже плоские, односторонне рельефные, ажурные бляшки в виде лежащих оленей, служившие накладными украшениями (т. I, р. 80). Из отдельных находок на основании орнаментальных подробностей ко второму этапу надо отнести кельты (т. I, р. 81).

Звериный стиль второго этапа характеризуется кольцевидными, с ямками внутри, или сквозными округлыми глазами или ноздрями, иногда кольцевидными окончаниями ног и хвостов и выпуклой плечевой и бедряной областью. В конце, должно быть, второго этапа появляются медные котлы на полой ножке с двумя ручками (т. I, р. 79), сходные формы которых в эту эпоху были широко распространены по всем степям Евразии. Многие бытовые элементы и стиль украшений, имеющие аналогии в скифской и ананьинской культурах, дают возможность относить начало второго этапа не позднее как к VI в. до н.э. Взаимоотношение между минусинской и скифской культурами недостаточно ещё выяснено. Но, во всяком случае, надо принять во внимание, что элементы звериного стиля, столь характерного и для скифской культуры, находят себе прототипы не только в первом этапе минусинской курганной культуры, но и в карасукской. Таким образом, эволюция звериного стиля в Минусинском крае, тесно связанная с другими бытовыми явлениями, даёт картину развития бронзовой культуры более полную, чем в остальных районах евразийских степей.

Третий этап. Курганы стоят в степях одиноко, а если и соединены в группы или в ряды, то отстоят друг от друга на большое расстояние. Насыпи больше, высоких камней вокруг основания много (не менее двух на северо-западных и юго-восточных сторонах); квадратные оградки почти всегда покрыты насыпью. Обширные погребальные камеры, заключающие большое количество погребённых, сделаны из дерева. В третьем этапе, появляется обычай сожжения мёртвых или костей оставшихся от первичного погребения. Сожжение происходило чаще в самой камере, отчего деревянные стенки бывают сильно обуглены (курган у д. Лепёшки на Енисее против Батеней — т. I, р. IV, 3). Погребальный инвентарь состоит из глиняных сосудов на полых ножках, копирующих медные большие котлы (т. I, р. 92); миниатюрных сакральных медных кинжалов (т. I, р. 96), секир (т. I, р. 91), ножей (т. I, р. 90), зеркал (т. I, р. 97), пробойников (т. I, р. 95), грубо отлитых, заменявших соответствующие рабочие предметы, весьма возможно, из экономических соображений. Встречаются: фигурки оленей, каменные подвески (т. I, р. 93) и ажурные конические навершия, украшенные фигурами козлов (т. I, р. 94). Появляется в могилах во множестве железный шлак.

Отдельные бытовые предметы более ранних этапов минусинской культуры нередко находимы были в Сибири, как на востоке, так и на западе, но, собственно, распространение всей культуры за пределы Минусинской котловины происходило, главным образом, в третьем этапе (до начала н.э.). Об этом свидетельствуют земляные высокие курганы в Красноярском, Ачинском и Мариинском округах. В них найдены коллективные погребения со следами сожжения и погребальный инвентарь, состоящий из миниатюрных сакральных предметов третьего этапа.

Следует отметить, что в Минусинской котловине, изолированной лесистыми горами, бронзовая культура задержалась долго. С половины первого тысячелетия до н.э. в степных открытых районах Евразии железные изделия получили широкое употребление. Находимый в курганах третьего этапа железный шлак указывает на знакомство минусинцев с новым металлом задолго до начала н.э. Железные предметы: секиры, кинжалы, ножи, копирующие бронзовые, — относятся должно быть к концу третьего этапа.

В последние века до н.э. происходили оживленные сношения Китая, Восточной Монголии с Ираном и Туркестаном. Южные окраины Сибири постепенно вовлекались в сферу международных сношений. Пушнина лесов северной Сибири ценилась на юге так же, как на севере металлические изделия западных и южных центров. Происходила, очевидно, меновая торговля. Богатство и власть сосредоточивается у отдельных посредников,

живущих в степях Монголии и в прилегающих странах. Зарождается ханская родовая власть, легшая впоследствии в основу управления многочисленных кочевых эфемерных государств Азии. Глубокие могилы сооружаются не над коллективными погребениями равноправных членов общества, как это мы видим у древних минусинцев, а над могилами умерших властителей. Они известны на Алтае и в бассейне Селенги. (*Прим.: В Монголии и прилегающих странах господствовали гунны, в зависимости от которых находились, должно быть, и народности, жившие в Минусинском крае.*) Под влиянием оживлённых сношений на юге появляются новые предметы, проникшие широким потоком и в Минусинский край в конце третьего этапа минусинской курганной культуры. Повидимому минусинцы, овладев металлургией железа и предметами нового быта, сами перешли на изготовление их (удила — т. I, р. 99). Звериные украшения сделаны ещё скульптурно (конец железного кинжала — т. I, р. 104; железная секира — т. I, р. 100), но большая часть рельефна только с одной стороны (лошадка на налобнике конской уздечки — т. I, р. 98, пряжки в виде головы козла — т. I, р. 102 и 103, бляха, изображающая кочевника на верблюде — т. I, р. 101). Животные выполнены в стиле отличном от стиля второго этапа; обращает на себя внимание выполнение глаз, всегда выпуклых, а не ямочных или сквозных.

Противопоставление животных или их голов друг другу было одним из излюбленных мотивов. Известные четырёхугольные ажурные бляхи, рельефные только с одной стороны, и изображающие противопоставленных быков, верблюдов, лошадей, — относятся, должно быть, к этому же времени. В северной Азии они неоднократно были находимы от Селенги до Оби, и тесно связаны с золотыми бляхами сибирской коллекции Эрмитажа, изображающими борьбу животных, а также с ковровыми аппликациями ноин-улинских курганов в Монголии. Весьма возможно, что бляхи с быками и другими животными выливались в Минусинском крае, так как здесь найдено значительное количество их. Литьё плоских ажурных блях с односторонним рельефом было усвоено, повидимому, впоследствии лесными народностями на Оби и позднее — в Приуральи.

Четвёртый этап. Громадных курганов четвёртого этапа, окружённых иногда оградой с большим числом высоких плит, раскопано немного, и они плохо ещё изучены. Характер погребения в них был, повидимому, такой же, как и в третьем этапе. Деревянные камеры прикрыты толстым слоем коры и берёсты. Керамика — та же (т. I, р. 92), но среди погребального инвентаря появляются железные изделия сакрального значения и, наконец, маски из гипса на лицах некоторых погребённых. Только вышеуказанные находки дают основание выделять последнего рода курганы в особый четвёртый этап. Многие из перечисленных при описании третьего этапа предметов, найденных случайно, могут относиться и к четвёртому этапу минусинской курганной культуры.

В начале н.э., в эпоху начавшегося уже в центральной Азии переселения народов (известного, позднее, когда появились гунны в Европе, под именем великого переселения народов), заканчивается пышная минусинская курганная культура. Было ли ближайшей причиной этого массовое проникновение сюда новых народностей, разрушивших тот коллективный быт и строй, который слагался и процветал здесь в продолжении тысячелетия, или имели место какие-либо другие причины — покажут будущие углублённые исследования. (*Прим.: В I веке н.э. гунны теряют своё могущество в Монголии, во II веке усиливаются сянь-бийцы, которые ведут войны с народностями, живущими на Енисее.*) Во всяком случае, в это время, быть может одновременно с курганами четвёртого этапа, мы находим могилы другого вида, что даёт основание выделять их в особый переходный этап, названный по речке Таштык у с. Батени, где впервые он был установлен.

Таштыкский переходный этап. Могилы таштыкского переходного этапа едва заметны на поверхности степи, обнаружить их можно только по неглубоким впадинам — результату оседания земли. Группируются они в могильные поля. Обыкновенно, в северо-восточном направлении от могильного поля располагается длинный ряд высоких камней, ориентированный с ССЗ на ЮЮВ (т. II, р. V, 1) (*Прим.: Надо заметить, однако, что в*

таштыкскую эпоху, как переходную, сооружались, должно быть, могилы и уклонявшиеся от вышеописанного стандартного типа.) В могильных ямах (глубиной от 1,5 м. до 4 м.) большей частью устраивались погребальные камеры из брёвен или досок такого же вида и также ориентированные, как и погребальные камеры минусинской культуры. Нередко в камерах встречается деревянный пол из плах. В них лежат скелеты (от 1 до 3), в вытянутом положении, на спине, ориентированные, чаще всего, как в минусинских курганах, головой на ЮЗ. Под покойников, если в камере не было пола, подкладывали иногда берёсту. В одном случае (в Оглахтинском могильнике) покойник лежал на дощатом помосте, построенном на четырёх бревенчатых тумбах. Попадают разрозненные кости от двуактного погребения и следы сожжения покойников в виде обугленных костей.

Черепя трепанированы в затылочной области с целью извлечения мозга. В оглахтинской могиле сохранились на некоторых трупах мягкие покровы, волосы каштанового цвета, заплетённые и у мужчин в косу. Вероятно в эту эпоху производилась мумификация не одного только черепа, но и всего трупа. В оглахтинском же могильнике, вместе со скелетами погребённых были найдены сделанные из кожи, материи и травы куклы с нарисованным краской лицом, одетые в одежду из шёлка. Куклы вероятно изображали лиц, сопровождавших покойников в загробный мир. Подобные погребальные обычаи могли проникнуть сюда и из Китая. На лица мумифицированных трупов накладывали гипсовые маски. Часто маски раскрашивались красной краской, отмечающей румяные щёки, губы, носовые отверстия и узоры на лбу. На внутренней стороне масок бывает запечатлён полный облик лица умершего: со складками и морщинами на лице и шее и с приставшими иногда к гипсу светлыми волосами. Гипс проникал в носовые и ушные отверстия; глаза прикрывались кусочками материи (шёлка). Обычай прикрывать лица покойников различного рода масками был известен на заре н.э. на западе у римлян, на Крымском полуострове и т.д. Возможно, что в Минусинский край он проник с запада, на востоке мы пока не знаем погребений подобного рода.

Погребальный инвентарь состоит из глиняных сосудов, бус, очень небольшого количества предметов из кости и металла; как исключение, в Оглахтинском могильнике сохранилось много предметов из дерева. Глиняные сосуды встречаются различной формы. Кубковидные на полый ножке (т. II, р. 2) той же формы, что и сосуды третьего и четвёртого этапа минусинских курганов, плоскодонные с выпуклыми стенками (т. II, р. 3), почковидные с узкой высокой шейкой (т. II, р. 1). Керамика по технике изготовления ничем не отличается от керамики минусинской курганной культуры вообще: с внешней стороны та же гладкая, блестящая поверхность. На некоторых сосудах имеется орнамент, почти исчезнувший в предшествующие этапы. Есть новые мотивы орнамента (арки, спирали). Выполнены они или обыкновенным резным способом, или накладным (т. II, р. 1). В одной могиле найден миниатюрный медный котёл (т. II, р. 4) того же, по видимому, назначения, что и миниатюры третьего этапа. Среди украшений надо отметить бусы: из стекла (т. II, р. 8), иногда позолоченные (т. II, р. 5 и 7), или глазчатые (т. II, р. 9); а также характерные серьги из золота (т. II, р. 10). Металлических орудий не найдено. Часто встречаются шилья из кости (т. II, р. 6). Из деревянных предметов, найденных в Оглахтинском могильнике, замечательны по своей сохранности: корыта, круглые чашки с ручками и без них; туески, обтянутые шёлковой материей; ведёрки с берестяным дном; бочонок; ложки; остатки луков; наконец, неизвестного назначения деревянные узкие, вырезанные узорами дощечки с перекладинами, окрашенные красной краской. В могилах находятся остатки погребальной пищи в виде костей, главным образом, овец, рогатого скота и лошадей.

К III-IV в. н.э. надо отнести своеобразные могилы с бюстовыми масками. Одна из таких могил была раскопана нами на Сарагашинском увале близ Батеней. Невысокая насыпь из камней имела квадратную форму. Под осевшей частью могильной насыпи в квадратной могильной яме находилась погребальная камера из толстых брёвен, с полом из коры, лежавшим на толстых балках. Сверху камера была закрыта брёвнами и корой (т. II, р. V, 2). Камера была зажжена, очевидно, во время закапывания могилы, так как брёвна обуглены лишь частично. В камере у стенок найдено большое количество жжёных костей

человека (внемогильное сожжение покойников), собранных в кучки, и возле них — разрушенные бюстовые маски. Маски не накладывались на лица умерших (с внутренней стороны нет отпечатков лица), а формовались уже произвольно, и закреплялись в бюстовые постаменты, имевшие вид нагрудников. Типы лиц, послуживших, очевидно, скульптору для лепки, отличались по своим признакам от портретного изображения некоторых из вышеописанных масок, накладываемых на лица покойников, и в основных чертах повторяющих знакомый нам облик — длинноголовых, горбоносых с узким лицом «динлинов». Бюстовые маски имеют широкое, иногда плоское лицо, широкий нос, часто с весьма низким переносьем. Они раскрашены красной, голубой и чёрной краской. Едва намеченные разрезы глаз окрашены в голубой цвет, голубым цветом с черными линиями окрашены и волосы, спускающиеся локонами ниже ушей; щёки, накладные ушные завитки и губы — красные. На лбу и на шее разрисованы красной и голубой краской узоры, весьма возможно изображающие татуировку того времени. В аналогичных могилах в других районах найдены глиняные сосуды, среди которых, кроме известных нам (т. II, р. 1 и 3), появляются новые формы (т. II, р. 11-13), украшенные накольным (т. II, р. 12) или, большей частью, накладным с рубчиками орнаментом. Керамика лучше всего реагирует на появление другого быта. Новые элементы украшения мы наблюдали уже на почковидных сосудах (накладной орнамент в виде спирали). Но главное отличие заключается в формах, материале и в резком различии техники изготовления. Глина содержит большое количество дресвы, отделка грубее, обжиг лучше; поверхность серого цвета, шероховатая, а не гладкая с блеском. Блестящая, сглаженная поверхность была очень характерна для сосудов, начиная с андроновской культуры. Остальные предметы погребального инвентаря представлены очень ограниченным количеством металлических и костяных предметов: железные и костяные (т. II, р. 16) стрелки, костяные резак (т. II, р. 15), медные пряжки с зубцами и со свободным уже язычком (т. II, р. 17, 18), медные пластинки с двумя конскими головами (т. II, р. 14).

Впервые появляющиеся в Минусинском крае надмогильные насыпи из камня, иной физический тип (судя по бюстовым маскам) погребённых, другая керамика — заставляют предполагать, что только что описанные могилы принадлежат к смешанному уже населению.

Из китайских летописей, относящихся к началу н.э., упоминающих о народностях, обитавших в то время в верховьях Енисея, мы не знаем точного местожительства киргиз (гян-гунь). Знаем только, что киргизы жили южнее динлинов. В более поздних летописях, повествующих о событиях VII-X в. н.э. (Тан-шу), есть определённые указания о том, что к этому уже времени киргизы (хягас), говорившие на тюркском языке, „перемешались" с динлинами, овладев, повидимому, всей территорией в южной части бассейна Енисея и заняв здесь главенствующее положение. Несомненно, однако, что главная масса населения Минусинского края ещё долгое время сохраняла свой прежний тип. Древние авторы называли, должно быть, все население по имени возглавлявшего их народа — киргизами. Поэтому, указания китайских летописей о том, что киргизы „имели рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза", могут относиться и не к киргизам, а к большей части прежнего населения. Могилы с каменными насыпями, заключающие остатки сожжённых покойников и бюстовые маски нового типа могут быть пока условно отнесены ко времени объединения динлинов с киргизами.

Во всяком случае население края не представляло собой уже тогда ни в этническом, ни в антропологическом отношении более или менее однородного типа (сожжение покойников, следы которого мы очень часто находим в могилах этого времени, не даёт нам возможности проверить последнее предположение). При ограниченном количестве хорошо раскопанных могил очень трудно провести разграничение между погребениями различных этнических групп, несомненно в течение некоторого времени отличавшихся друг от друга своими бытовыми особенностями, но думается, что это возможно будет сделать при дальнейших исследованиях.

Тесно примыкают к только что описанным культурным этапам могильники, известные под

названием „чаа-мас“. Могилы в таких могильниках прикрыты невысокими круглыми насыпями из камня и обставлены чаще кольцевидно, реже по четырехугольнику, высокими камнями, являющимися как бы воспоминанием о прежних оградах минусинской курганной культуры. Если высокими камнями служили плиты, то узкими рёбрами они не ориентировались по странам света (т. II, р. VI — Гришкин лог у Батеней). В неглубоких, четырёхугольных ямах, прикрытых сверху деревянными бревёшками, мы находим, как исключение, скелеты захороненных покойников. Чаще в могильных ямах хоронили только мелкие жжёные кости, оставшиеся от внемогильного трупосожжения, с погребальной пищей, от которой сохранились лишь кости лошадей, быков и овец. В могилах подобного устройства мы постоянно находим высокие узкогорлые сосуды, с полосами выдавленного орнамента (т. II, р. 20), сделанные на гончарном круге, из прекрасно отмученной глины. Подобные сосуды встречаются, как под Пекином, в Монголии, так и далеко на севере в Сибири. Их сопровождают грубые копии местного изготовления и мелкие сосуды серого цвета с слабо суженным горлом, с большой примесью дресвы (т. II, р. 22, 23). Редко встречаются другие предметы: железные ножи (т. II, р. 27), медная позолоченная накладка на ремень (т. II, р. 24), серебряный сосуд (т. II, р. 25.), вырезанная медная пластинка с головками медведя и лошади (т. II, р. 26). Последний предмет, так же как и глиняные сосуды тесным образом связывают описанные могилы с могилами, заключающими в себе бюстовые маски. К этому же времени надо отнести могилы с каменной насыпью и одним высоким камнем при основании или без высоких камней; в последних находятся громадные глиняные сосуды с пережжёнными человеческими костями (иногда перевёрнутые вверх дном) (т. II, р. 21 — Сарагашинский увал близ Батеней). Китайские летописи указывают на обычай киргизов сжигать своих покойников и хоронить в могилах только их пепел.

В VI веке кочевые племена евразийских степей выступили на арену истории под именем турков. Они овладели обширной территорией от Китая до Византии. Главенствующая роль переходила от одного племени к другому. Кочевники не имели, повидимому, массового металлического производства; они пользовались стандартными формами различных элементов быта, изготавливаемых во множестве осёдлыми народностями, и разносили их по степям Евразии. В Минусинском крае, повидимому, более или менее прочно обосновались киргизы. В VII веке они покорены были турками. К этому времени относятся единичные могилы с высокой каменной насыпью (т. II, р. VII,1), кое-где встречающиеся в Минусинском крае. В такой могиле (в седловине над р. Таштык), представлявшей собою простую грунтовую яму, обнаружен скелет человека, лежавший на спине, ориентированный головой на СЗ; рядом с ним в ЮЗ части ямы лежал скелет лошади. Найденный в этом погребении инвентарь состоит из: железных лопастных наконечников стрел (иногда с костяным, свистящим при полете стрелы шариком — т. II, р. 28), пряжек из железа и бронзы (т. II, р. 29, 30) с язычком, костяных орнаментированных накладок на колчан (т. II, р. 35), железных стремян (т. II, р. 38, 40), костяной большой бляхи от подпруги (т. II, р. 31), костяного костылька (т. II, р. 33).

Погребение с конём характерно для кочевников. Подобного рода могилы являются новым типом для Минусинского края. Они хорошо известны около урочища Кудыргэ на Алтае. Весьма возможно, что описанная могила принадлежит представителю алтайских турков, появившихся в VII в. в Минусинском крае.

В конце VII же века киргизы входят уже в тесные сношения с Китаем. Из передней Азии проникает к ним через согдийцев алфавит «орхонского письма» арамейского происхождения. В VIII веке киргизов покоряют уйгуры, но в IX-X веке они сами занимают первое место в исторической жизни кочевников средней Азии. В могилах этого времени (т. II, р. VII, 2), сгруппированных в могильники и прикрытых небольшой каменной насыпью, в грунтовых ямах мы встречаем как погребения с конём, так и более бедные без коня. Из погребального инвентаря следует отметить: железные и костяные пряжки (т. II, р. 43) и костыльки, застёжки от упряжи или пут (т. II, р. 44), медные обкладки сосудов (т. II, р. 34), железные тесла (т. II, р. 39), железные удила (т. II, р. 41) и выпуклые из посеребренной меди накладки на ремни (т. II, р. 37), железные ножи известного уже нам типа (т. II, р. 27).

К серии вышеназванных предметов примыкают отдельные находки: медные пряжки (т. II, р. 46), крючки (т. II, р. 36), более поздние формы бронзовых ременных накладок, иногда позолоченных, с орнаментом вероятно китайского происхождения (т. II, р. 45 и 48), а также более простые формы (т. II, р. 47, 50, 51, 52, 53, 55), бронзовые украшения: рыбки — китайский символ семейного счастья (т. II, р. 49), уточка (т. II, р. 56), сердцевидные накладки с физиономией человека (т. II, р. 58), подвески маски (т. II, р. 54), всадник из бронзы (т. II, р. 57), наконец, бронзовые, золотые или серебряные серьги с привеской, иногда из стекла, изображенного типа (т. II, р. 59). Только что перечисленные предметы встречаются в могилах и отдельных кладах вместе с монетами китайской династии Тан и с глиняными узкогорлыми сосудами, о которых мы уже говорили. Каменные скульптурные изваяния (т. II, р. 66) этого времени, изображают, главным образом, мужчин, держащих в руках сосуд и подпоясанных, иногда с украшениями, приведенными на т. II, р. 47. Они имеются и в Минусинском крае. Подобного рода изваяния, так же как и соответствующие, но более богатые могилы, встречаются чаще в Танну-Тувинской республике.

Повидимому, главная резиденция киргизов в IX-X веке находилась к югу от Саянских гор. Если вопрос о главном местообитании киргизов может вызвать споры, то история и быт киргизов достаточно хорошо известны нам по древним историческим источникам.

Русские застали ещё в Минусинском крае киргизов, продолжавших играть здесь главенствующую роль. Только в XVIII веке основная масса киргизов вынуждена была покинуть Минусинские степи.

К XI-XII веку принадлежит, повидимому, могильник плоских могил, прикрытых плитками, на Сарагашинском спуске, недалеко от Батеней. Под плитками в грунтовых ямах, иногда в обкладке из тонких досок, находились одиночные скелеты, положенные на спину (т. II, р. VIII). Из железного инвентаря, сопровождающего покойника, следует отметить железные наконечники стрел-свистунок (т. II, р. 61) и железные удила с большими кольцами позднего типа (т. II, р. 62). Более поздних погребений в Минусинском крае мы не знаем. Весьма возможно, что если и устраивались погребения покойников в земле, то над могилами не делали насыпей, могущих сохраниться до нашего времени. Подтверждением этого могут служить недавно обнаруженные под Красноярском, на Часовенной горе три богатые могилы, не имевшие сверху каких-либо надмогильных признаков. В деревянных камерах из досок лежали одиночные скелеты с богатым погребальным инвентарём: серебряные сосуды (т. II, р. 63 и 65), железные наконечники стрел (т. II, р. 64), золотые серьги (т. II, р. 66), седло с серебряными накладками (т. II, р. 67), лежавшее рядом с колодой и др. предметами. Отдельные предметы подобного рода (серебряные сосуды, обкладка седла), иногда в виде кладов, находимы были также в Минусинском крае, Забайкальи, в Западной Сибири и на юге европейской части нашего Союза. Они, повидимому, иранского происхождения и относятся к XII-XIV веку н.э.

Поздних могил в Минусинском крае не раскапывалось. Но в Танну-Тувинской республике нами исследовались могилы XVII-XVIII века, давшие большой материал. Принимая во внимание все произведённые на Енисее палеоэтнологические исследования, намечается полная схема смены культур, начиная с эпохи древнего камня до современных.

Предлагаемая классификация, как и всякая схема вообще, является, конечно, в той или иной степени гипотетичной. Но в качестве рабочей гипотезы ¹ она является необходимой при том обилии и разнообразии палеоэтнологического материала, какое мы имеем в Минусинском крае. Уже и сейчас она даёт некоторую возможность ориентироваться не только в громадном количестве надмогильных сооружений и случайных находок, но и в других памятниках древности: скульптурных изваяниях и писаницах.

Не сомневаюсь, что при дальнейших углублённых исследованиях северной и центральной Азии, в предлагаемую классификацию будут внесены коррективы и дополнения, и она освободится от значительной доли недочётов, избежать которых возможно лишь при большой коллективной работе.

Объяснения к рисункам.

Таблица I.

Афанасьевская культура.

I—план и разрез могилы. 1—11 — предметы из могил под Афанасьевой горой (Батени): 1—4 — глиняные сосуды; 5—каменная колотушка; 6—игольник из трубчатой кости; 7—костяная игла; 8—каменная терка; 9—каменный наконечник стрелы; 10—буса из раковины *Corbicula fluminalis*; 11—медная обкладка.

Андроновская культура.

II—план и разрез могилы. 12—31—предметы из могил, стоянок и отдельные находки: 12, 14—17, 19, 22, 25, 28—из мог. Актюбинского уезда; 13—из мог. у Батеней; 18—из мог. у д. Андроновой; 20, 23, 24, 26 и 27 из мог. Семипалатинской обл.; 21—отдельная находка; 29 и 31—из стоянок.

12—медные бусы; 13—глиняный сосуд; 14—медные бусы; 15—17—пастовые бусы; 18—глиняный сосуд; 19—сердоликовая буса; 20—медный кинжал; 21—медный кельт; 22—медная подвеска; 23—медная подвеска, покрытая золотом; 24—медный завиток, покрытый золотом; 25—медный браслет; 26—медная бляшка; 27—медная серьга, покрытая золотом; 28—медный конец браслета или подвески; 29—каменный скребок; 30—каменный наконечник стрелы; 31—каменная терка.

Карасукская культура.

III—план и разрез могил. 32—57—предметы из могил и отдельные находки: 32, 33, 37, 39—49, 51, 52, 53, 55, 56—из могил Минусинского края; 34—36, 38, 50, 54—отдельные находки отсюда же; 57—скульптурное изваяние из района Тазмина ул. (находится в Русском Музее).

32—33—глиняные сосуды; 34—медный кинжал; 35 и 36—медные долота; 37—медная подвеска; 38—медный кельт; 39—медная буса; 40 и 41—медные пронизки; 42—сердоликовая буса; 43—пастовая буса; 44—медное височное кольцо; 45 и 46—медные перстни; 47—медная скобочка; 48 и 49—медные накладки; 50—медный браслет; 51—медное зеркало; 52—55—медные ножи; 56—медное шило; 57—памятник из девонского песчаника.

Минусинская курганная культура.

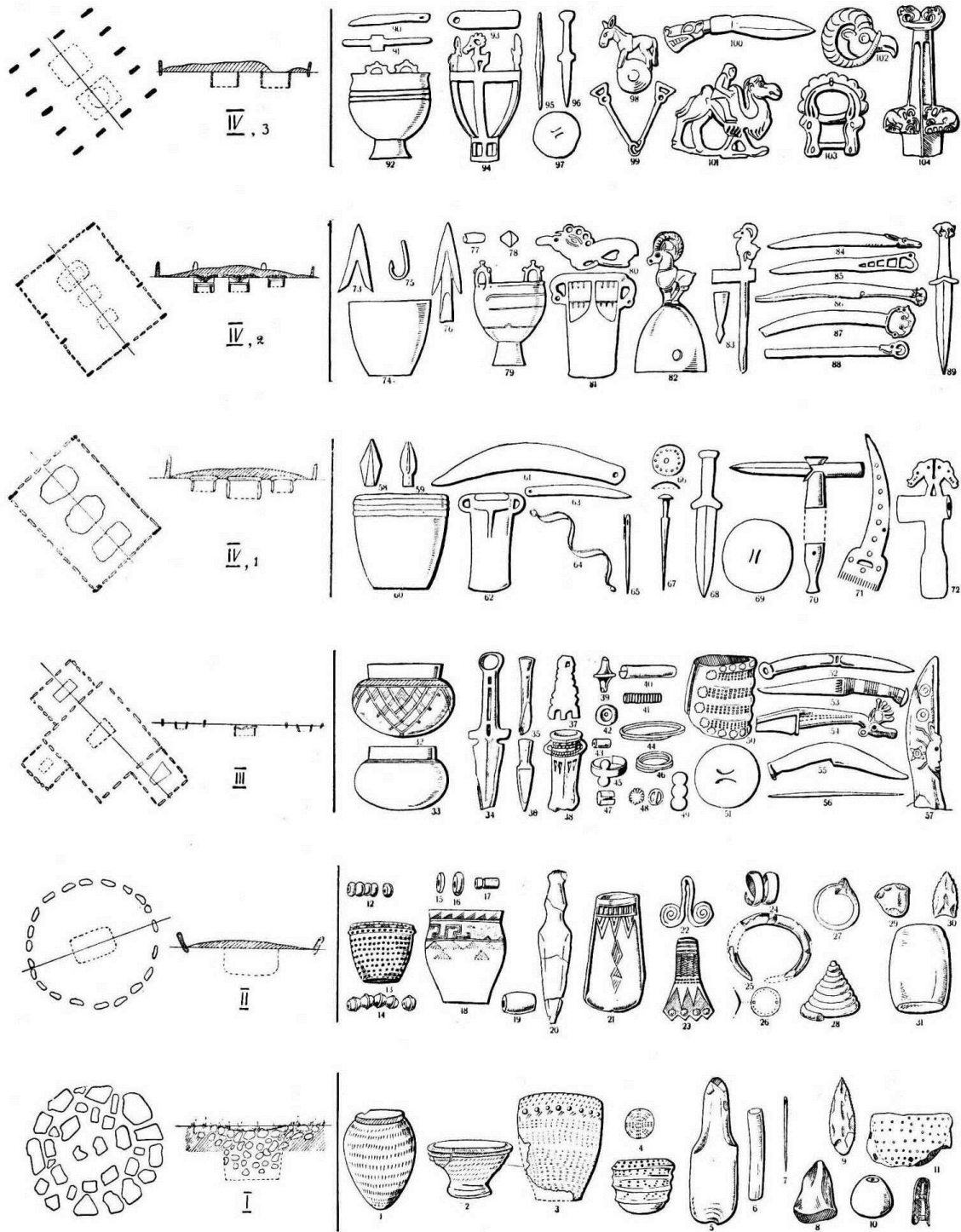
IV₁—план и разрез кургана первого этапа. 58—72—предметы из могил: 58 и 59—медные наконечники стрел; 60—глиняный сосуд; 61—медное серповидное орудие; 62—медный кельт; 63—медный нож; 64—медный предмет неизвестного назначения; 65—медная игла; 66—медная бляшка; 67—медное шило; 68—медный кинжал; 69—медное зеркало; 70—медная секира; 71—костяной гребень; 72—медная секира.

IV₂—план и разрез кургана второго этапа. 73—78, 80, 83, 84, 86, 89—предметы из могил; 79, 81, 82, 85, 87, 89—отдельные находки: 73—костяной наконечник стрелы; 74—глиняный сосуд; 75—медный рыболовный крючок; 76—костяной наконечник стрелы; 77—яшмовая буса; 78—стеклянная буса; 79—медный котел; 80—медный оленек; 81—медный кельт; 82—медное навершие; 83—медная секира; 84—88—медные ножи; 89—медный кинжал.

IV₃—план и разрез кургана третьего этапа. 90—97—предметы из могил: 90—медный ножичек; 91—медная секирка; 92—глиняный сосуд; 93—каменная подвеска; 94—медное навершие; 95—медный пробойник; 96—медный кинжалчик; 97—медное зеркальце.

98—104—отдельные находки из Минусинского края: 98—бронзовый налобник узды; 99—медные удила; 100—железная секира, 101 и 102—бронзовые бляшки; 103—медная пряжка; 104—железный кинжал.

Табл. I.

¹ В основных чертах излагаемая схема докладывалась мною в 1923 г. и напечатана в кратких отчётах об экспедициях Русского Музея: 1) Отчётная выставка Этнографического Отдела за 1923 г.; 2) «Палеознтологические исследования в Минусинском крае». Этнографические экспедиции 1924-1925 гг.

Литература. ^

1. Радлов, В.В. Сибирские древности (пер. из Aus Sibirien) Зап. Русск. Арх. Общ. н. с. т. VII.
2. Отчёты Археологической Комиссии за 1890, 1894-1899 гг.
3. [Адрианов, А. Путешествие на Алтай и за Саяны 1883 г.](#) Зап. 3.-Сиб. Отд. Русского Географического Общества, кн. VIII, в. 2 Омск. 1886 г.
4. [Адрианов, А. Оглахтинский могильник.](#) Иллюстр. прилож. к газете «Сибирская Жизнь» № 249 и 254. Томск. 1903 г.
5. Tallgren, A.M. Collection Tovostine. Helsingfors. 1917.
6. G. v. Merhart. Beitrage zur Urgeschichte der Yenissei-Gubernie. 1923. S.M.A.F.F., т. XXXIV, № 1. Helsingfors. 1923.
7. [Адрианов, А. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае.](#) Изд. Гос. Музея им. Мартьянова. 1902-1924 г.
8. G. v. Merhart. Bronzezeit am Yenissei. Wien. 1926.
9. [Теплоухов, С.А. Древние погребения в Минусинском крае.](#) Материалы по этнографии. Изд. Русского Музея. Ленинград. 1927, т. III, в. 2.
10. Бичурин, Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Центральной Азии в древние времена. 1851 г.
11. [Бартольд, В.В. Киргизы.](#) Фрунзе. 1927 г.